

речевых форм в структурно-стилистической и отчасти психолингвистической их специфике, в константах единиц низшего и более высокого уровня.

Исследование в сущности сводится к поиску приемов отражения диалогов и монологов живой произносимой речи в художественных текстах, в частности передачи в искусстве словесной живописи коммуникативно значимых паралингвистических (фонационных, кинетических) актов. «Вербальное поведение и исполнительские манеры произведения реплик и монологов должны подвести нас к самому общему различению их существенных признаков. И с этой целью я привлекаю несколько замеченных мною фактов, отказываясь от постановок и попыток решения других задач. Не стану перечислять всего, чего нет в моей работе. Это было бы делом изурительным. И жанр покаяния мне не импонирует» (II, 1, стр. 73). Выход за рамки собственно языка, вовлечение в студию паралингвистических знаков — от узуральных свойств фонации до кинем, включающихся в речевой акт, — представляется очень многообещающим для стилистики.

«Семиотическая синкретичность» (стр. 39, 78 и др.), свойственная в равной мере любой речи, аргументирована анализом фольклорного монолога; она выпукло показана в исследовании синтеза языковых и кинетических знаков в художественных текстах. Не могу здесь не заметить, что идея знакового синкретизма, по моим наблюдениям, является основополагающей для анализа бурно развивающихся стилей массовой коммуникации, от природы своей складывающейся из знаков разных семиотических систем в их взаимодействии (напомню хотя бы мысли М. Маклюэна о «телевизионной синестезии»). Теперь, когда развитие общественной речи, новые формы, сферы и средства коммуникации выбросили на поверхность многие ранее скрытые факты из тайников речевой деятельности и стили, нет никакой возможности более игнорировать роль неязыковых знаков в речи и необходимо, отбросив привычные представления, учесть их, в частности, в определении стиля. Р. Р. Гельгардт убедительно открывает такую перспективу.

Но ценность его исследования, не сводится к стимулированию работы других исследователей. Она именно в концептуальном подходе — в обосновании роли паралингвистических знаков наряду с языковыми в общей теории высказывания. Разумеется, речь идет о рядоположении «слов» и «кинем» в сугубо функциональном плане, причем различно в разных типах и видах общения, речевых стилях, в монологах и диалогах, в «смешенной» речи и речи завуалированной и т. д. «Опыт группировки кинем с иллюстрациями из художественной литературы», как называет автор конкретно-исследовательскую часть своей работы, как раз и

посвящен выяснению частных и общих различий и сходств знаков разных семиотических систем в их функционально-речевом взаимосоплетении (особенно интересны стр. 107—131). Кинемы в этом смысле характеризуются преимущественной заместительной функцией, размытостью семантических границ, вариабельностью отношений между означаемым и означающим, полисемантическому и развитой омонимией и т. д. Однако главное в том, что они все же выступают компонентами общения, часто играют не меньшую коммуникационную роль, чем знаки собственно языка³. Вдаваться сейчас, в частности, значило бы перейти к изложению собственных мнений, а это тем более не оправданно, что автором заявлено продолжение статьи, развивающее его мысли о диалоге и монологе во внутренней речи.

В лучшем духе традиционного языкознания выполнены опубликованные в этих выпусках конкретно-исторические этюды акад. В. В. Виноградова «Омонимы из гнезда „стрела“» (I) и члена-кор. АН СССР Ф. П. Филина «Еще раз об истории окончаний в именительном и винительном падежах множественного числа имен мужского рода» (II). К этому направлению принадлежит также статья Л. А. Аринштейна «Фонологические средства экспрессии в современном русском стихе» (I, 2), разграничивающая «новые» фонологические и собственные стиху

³ Триумф этой свежей и плодотворной мысли, как мне показалось, не помешал автору противоречиво поклониться и привычным догмам, возбращающим какое-либо рядоположение «слов» и «не-слов» пусть сугубо функционально-коммуникативное. Признав кинемы наряду с собственно языковыми и интонационными знаками «знаковыми компонентами высказывания», т. е. коммуникативно приравняв их (с оговоркой по поводу жестов и мимики; стр. 74—75 и все конкретно-исследовательские страницы), вряд ли стоило резко выступать против к а к о г о л и б о отождествления их «со словами, которые они в речи способны замещать», тем более против куда менее «крамольной» формулировки акад. В. В. Виноградова, согласно которой в драматическом монологе формы моторной экспрессии являются доминантой словесного построения (стр. 45). Кстати, та же мысль на стр. 73 повторена уже осторожнее: «...хотя кинемы не входят в знаковое поле языка и принадлежат к единицам другой семиотической системы, они включаются в знаково-синкретические акты говорения, в произносимую, исполняемую речь. Лингвистика речи не должна их игнорировать...». Эти непоследовательности делают бесплодной полемику с В. В. Виноградовым (и с О. С. Ахмановой — на стр. 50) и, что существеннее, снижают исследовательский пафос самого Р. Р. Гельгардта.